

16+

Мих. Гофер

Жили-были мужики...

30 притч о вере, о жизни, о жизни в вере и
о вере в жизни

Михаил Гофер
Жили-были мужики

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Гофер М.

Жили-были мужики / М. Гофер — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Тридцать авторских притч о вере и о жизни. Автор сразу предупреждает, что писал не руководство к действию, а всего лишь сделал попытку заставить читателя задуматься. Не принимайте описанные ситуации как руководство к действию, лучше всего сходите в храм.

Содержание

Притча первая	5
Притча вторая	7
Притча третья	8
Притча четвёртая	9
Притча пятая	10
Притча шестая	11
Притча седьмая	12
Притча восьмая	13
Притча девятая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Притча первая

Жил-был мужик. А в мужике – бес. И заселился бес в мужика давно, как и положено – незаметно, и пообвыкли уже друг к другу, и даже не сильно друг друга замечали. Не то чтобы это нормально, но так уж обычно получается, что все мы в себя бесов поназапускаем, а потом потом всю оставшуюся жизнь голову ломаем, как бы нам от них избавиться.

Ну, и у мужика нашего так же получилось. Как у всех, в общем. По пятницам бес нашёптывал мужику, что тот устал за неделю, и мужик загружался пивом, а то и коньяком; по воскресеньям убеждал, что в храм ходить не надо, а то не выспишься, и с понедельника в офисе ещё хуже будет; что начальник так и так дурак (других начальников и не бывает вовсе), и что дети сами вырастут хорошими, и трогать их не надо.

Мужик соглашался, потому как думал, что это не бес, а он сам себе жизнь делает и это он сам так думает; грузился мужик пивом, посты не держал, и начальника ругал и по средам и по пятницам, и в обычные дни, но, конечно, за глаза. И получилось так, что вывалился мужик с бесовой помощью во всяких грехах, и в смертных тоже, и вдруг понял, что не получается у него обычным мылом душу отчистить – тяжелой стала душа от грязи, немоготу таскать её стало мужику, а в бане, как ни скребись, с усов копоть-сажу смыть можно, а с души нельзя. Нет такого мыла, чтобы душу помыть можно было в бане. И стал мужик косым глазом на храм посматривать. Бес ему уж изворачивался по-всякому: то статейку в газетёнке подкинет, что, дескать, батюшки в храмах и сами в грязи купаются; и что только денег мужичковых и ждут, чтобы себе новый "Мерседес" купить; и всякую фигню в ленту ему в интернетовскую накидал про посты и про здоровое питание, и про йогу с мантрами и про Будду с "Техникой исполнения желаний за три дня", чуть бесёнок наизнанку не вывернулся, а мужик нет, упёртый – ходит в храм, да старается каждое воскресенье, а то и в субботу; исповедуется да причащается. Бес ему болячку (дескать, как ни молись, а не слышат тебя), а мужик знай справляется: лоб перекрестит, чаю с малиной напьётся, да и дальше дело делает. Бес жену у мужика под зад шилом кольтёт, а мужик и ухом не ведёт – пропустит причастие, да на следующий раз сходит.

Дел да забот накидает бес мужику, а тот всё равно найдёт для вечернего правила время. С утренним всяко бывало, конечно: на работу опаздывать – без работы оставаться, но мужик и тут не унывал: выучил молитовок, да уж коли проспал, по дороге на работу и читает.

Совсем бесу туго стало. И решил он от мужика этого сбежать в другое место. Сказано – сделано. Ну, не то что сделано, а надоть придумать с чего начать, а там уж и попробовать. А где бесу жить, коли сбежишь? Надо сначала местечко подыскать. И начал бес мыкаться. Сначала к начальнику было к мужичковому сунуться решил, да куда там: внутри начальника такой бес сидит, от гордыни да от тщеславия распёртый, что не только мужичковому бесу, а и самому начальниковому места еле хватает. Бесёнок бедный задним ходом еле как выбрался. Покружился наш бесёнок, покружился, выбрал бабёнку посправнее на вид, да к ней! А у бабёнки только снаружи справно всё, а внутри злоба, зависть да алчность. Бабёнкин бес даже в ней и не убирается, так отожрался, что если глаза скосить, то уже и из-под подола видать. Рванул было к мужикам, а там бесы маленькие, но много. Сидят, анекдоты травят, курят да бутылку по кругу пускают. Хотел бесёнок к ним, да по рогам получил: самим, дескать, мало, ты тут ещё лезешь. Загрустил бесёнок: не всё так просто оказалось, теперь по улице придётся искать, или в храме. А и там и там опасно: в храме невзначай то ладаном то крестом могут повредить, ежели увернуться не успеешь, а на улице тоже на кого нарвёшься. Ну да делать нечего, решил уйти, так надо попробовать. Поискал на улице пару раз, да так бесёнка нашего закрутило, да тоже с мордобоем, и не помнит, в кого возвращаться, чуть сам без мужика не остался – нет уж, думает, на улице искать, так лучше сразу в бездомные податься. Начал в храме попробовать.

К батюшке опасно – может и насмерть придавить, да и на батюшку образования не хватает у бесёнка – к батюшкам абы кого не пускают, там бесы с образованием лбы ломают; на клирос можно попробовать, но уж больно хлопотно: пока сквозь один псалом прорываешься, там из другого да из третьего сетей наплетут. Начал бес по прихожанам искать.

Но и тут никак не свезёт ему: то прихожанин такой, то в храм непонятно зачем пришёл – в душе столько дряни всякой, что не только бесу, а и бесёнку не влезть; то вроде вот и найдёт место хорошее, да в драку из-за него ввяжется с другим бесом. Не один он, оказывается, душу ищет, конкурентов всегда много. Так и не ушёл бесёнок от мужика. Впроголодь, да живёт. Всё ждёт, когда же мужичку пакость сделать можно, да перед бесовым начальником (тоже, кстати, между нами, весьма и весьма недалёком) выслужиться.

Притча вторая

Жил да был мужичок один. И болел мужичок этот оптимизмом. Сильно болел. Взрывало его, конечно, иногда, когда начальник его ни в грош не ставил (совершенно несправедливо, надо сказать).

Или теща, в маразм старческий впадая, то с работы его выдёргивала (просто так, уже и не помнила, зачем), то с рыбалки, то ещё с каких важных дел; то скорую помощь начнёт вызывать каждые полчаса, а поскольку фельдшера её уже не понимали, и так и так мужичку звонили, да снова его с места сдёргивали, вот тут да, нервничал мужик.

Или жене его два раза в неделю в областной центр на диализ ездить надо было за сто километров, а транспортные расходы никто не возмещал. Тут тоже впору завывать мужику, потому начальник ему премий не давал, и вообще старался, чтобы работа сделана была вся и любая, а деньги чтоб минималкой, расплатиться с мужичком одной зарплатой да и только.

Или младший сын в четвёртый раз за месяц в запой уходил (а по правде сказать, он из запоев и не выходил), тут да, гневался мужик наш. Старшего-то, слава Богу, вылечили, но домой не пускают теперь, потому как друзья приходят, и снова лечить надо (проходили это уже, три раза срывался), так что старший теперь дома не живёт, в другом городе он, далеко.

И вот сядет мужик передохнуть на работе, чайку попить, и вспоминает:

– Вот, бывало, накуролесим по молодости, а бабушка моя, жива ещё была тогда, всё пальцем мне грозила: "Не куролесь, Лёнька, мол, Бог тебя накажет!" И вот всё живу да жду: когда ж он меня накажет то? Обманула меня бабка то, выходит? Нет его, получается?

Вот такой вот оптимистичный дядька.

Притча третья

Зазвал как-то один мужик другого в сад. Яблоки там, сливы, груши, ну и всякое такое вкусное и бесплатное. Не бойся, мол, говорит мужику, сад там давно заброшенный, никаких сторожей там нет и никому за это никогда и ничего не будет. Тот, второй, носом покривил, да и согласился – шутка ли, почти две недели этот к нему ходил и уговаривал. Не согласишься – не отстанет нипочём, тут уж его только стрелять надо, а стрелять по друзьям (даже и вот по таким) наш второй мужик не горазд был.

Второй наш мужичок насторожился и так, когда первый сказал ему, что ночью пойдут, а уж когда вышли, и вовсе у него забурлило в мозгах, потому как если сад заброшенный, то почему бы и днём не сходить, а если надо обязательно ночью, то, может, этот сад не такой уж и заброшенный? Но уж согласился всё равно, деваться некуда, пошли.

Ну и вот – идут они в сад. Первый прёт напролом, никто ему не помеха, кум королю, сват канцлеру, только что песни не поёт. А второй всё прислушивается да оглядывается да то так подумает, то эдак: то ему звук какой не понравится, то свет не так светит, то и вовсе показалось, что машина за ними уже едет. Первому надоело его каждый раз успокаивать, а второй устал бояться, плюнул со злости на того, второго мужика, что сосватал его на эти яблоки-груши, да на себя, дурака, что согласился, мешки побросал, и домой ушёл. Первый покричал его, покричал, да уже один, боязно громко-то кричать. Ну, а тихо кричать – так никто всё равно не услышит! Так и пошёл один.

Ну и вот, тот мужик, который ушёл, так и прожил – без барышей, но и не в бедности! Второй, хоть и похотывал над первым: дескать, мозгов у тебя лишку, слишком много думаешь ты ими, а получилось, что яблоки всё равно растранижил – дармовое же, не жалко. И, кстати, так до тюрьмы и дошёл со своими яблоками. Но не в этот раз. Если б в этот раз попался, дали бы условно, а так – четыре года общего режима. Хозяева у сада всё-таки действительно были. А мозги если есть, то их пользоваться надо временами. Другое дело, когда их нет...

Притча четвёртая

Жил был мужик. Но в этот раз не про мужика, а про его жену, с которой ему, надо сказать, здорово повезло. Хорошая ему досталась женщина, хозяйственная и мудрая – души в ней не чаял мужик. Жила она по-христиански, не лентяйничала, и всё то у неё спорилось и получалось. И дети с мужем сытые и чистые, и дома порядок, и в огороде красота, и молитвы вычитаны, и храм не забыт.

Одно у неё не получалось – посты держать. И сильно она сначала переживала по этому делу, нервы нервничали, сердце плохо стучало, и вообще давление поднималось. Ну и решила она, что пусть его, если уж не получается с чем-то, то надо навёрстывать другим, и успокоилась с постами. И получилось так, что все только обрадовались. А раз все обрадовались, и всем хорошо, то бабе нашей что переживать? И она обрадовалась, и другим хорошо.

Молитвы она не забывала, в храм ходила и на исповедь и на причастие. И молитв знала много, но любимая у неё была со словами: "... не попускай, Пречистая, воле моей совершиться, не угодна бо есть, но да будет воля Сына твоего и Бога моего..." Вот и получилось, что милость Божья на бабу нашу и снизошла: призрел Господь на её молитвы и жизнь, да и сподобил её крылья. Летай, дескать, баба, никакого тебе ограничения нет; всё, что требовалось, сделано тебе, любой каприз...

А вот тут незадача и получилась: крылья то у бабы есть, а в ней сто пятнадцать килограммов.

Вот тут и не только баба, но и муж её задумался.

Притча пятая

Жил был мужик. И всё то вроде у него было, и всего то ему вроде бы и хватало, а вот поди ж ты: всё равно недоволен мужик был. И всё мечталось ему о чём то интересном, и всё казалось, что если бы вот сбылись бы его мечты, то всё бы сразу стало у него правильно, и совсем бы стало мужику хорошо и здорово.

И ходил мужик, недовольно вокруг смотря, и замечал, отчего ж душенька его в беспокойство впадает. То вот вроде тут гвоздик бы вбить, здесь прокладочку бы поменять, тут и вовсе не прокладочку, а начальника, здесь проходик бы вместо забора, ну и так, по мелочи: то жену посимпатичнее, то детей поумнее. И мрачнел мужик от этих мелочей, потому как за что ни возьмись – всё бы вроде переделывать надо!

И вот просыпается раз мужик наш, и видит: всё не так вокруг. И вроде бы всё то же, но не то. Не понял мужик сразу, пошёл умыться да побриться. А из зеркала на него вдруг баба смотрит! Онемел мужик ненадолго, а когда речь к нему вернулась, спрашивает: "Это зачем?" А ему в ответ: "Мечтал, было дело?" Поднапряг мозги мужик, еле как вспомнил: да, действительно дело было. Было дело, проскочила мыслишка, дескать, вот уже если бы я бабой был, порядку больше бы стало. "Ну вот, теперь сбылось!"

"Так я ж нечаянно, я так, не всерьёз!!" – закричал было мужичок наш, но в ответ промолчало зеркало. Так и не побрился мужик – бабам бритвё без надобности.

Дальше пошёл по жизни, а дальше ещё хуже стало: начальника действительно заменили, а тот поумнее оказался, начал экономить всё, и мужичка нашего сократил, несмотря что мужик – баба.

Проход поставили вместо забора, как и мечталось, так там особо одарённые на машинах ездить начали, чуть не придавили мужичка нашего; а тут как раз и гвоздик подоспел вбитый – пока от машин прыгал мужичок наш, в аккурат на него и налетел. И ладно, что ещё бабой стал, да только юбку порвал, а то бы всё гораздо хуже было. И за что ни возьмись – всё через пень-колоду пошло: жена, хоть и действительно симпатичнее стала, но всё равно ушла, чего ей, в самом деле с бабой жить; дети поумнели, и совсем мужичка в грош не ставят, тем более, непонятно, кто он им теперь; а прокладочку бы и рад сам поменять, да теперь не мужик, а баба – не знает, какую гайку и в какую сторону крутить.

Квартира вдруг в три этажа сделалась, и слуг куча – все бегают за мужиком, несмотря то он – баба, и кто зарплату требует, кто отгул, а кому без отгула отпроситься надо – и тоже к нему! Наследства мужику привалило, потому как почти вся родня умерла (грешен, тоже иногда и такие мысли приходили).

В общем, всё у мужика сбылось, о чём бы ни помечтал, случайно или всерьёз.. Еле как проснулся!

Зато уж когда проснулся и понял, что всё приснилось, вот радости то у него было!

Притча шестая

Жил-был мужик. Обычный такой, нормальный мужик, где надо и промолчит, а где не надо там выступит, за что и страдал всегда. Ну, в общем, как и все.

Но это дело третье было, а вот иногда в голову вопросы разные заходили и покоя ему не давали. Тоже, впрочем, как и у всех. То еле как отгонит от себя «Есть ли у пингвинов коленки?», ещё какая-нибудь дрянь лезет: «Чем отличается обычный человек от нормального?» Тьфу, да и только..

Ну и вот однажды засел у него в голове вопрос: а чем верующий отличается от неверующего? Ну, пару раз спросил, конечно, мужичок наш у того кто приглянулся, да выглядел посерьёзнее, но там как-то ему всё не по делу разжевали. Издалека, со многими вступлениями, да так, что он и не только начало не смог вспомнить, а и с окончанием плохо разобрался.

А вот с третьего раза попал он на одного знакомого, что давненько уже в храм ходил, но воцерковлённым себя не считал. Потому, говорил, святости во мне мало. Но, однако, услышал он мужичка нашего, и говорит: «Рассказывать я тебе не буду, а давай покажу!» и прям сразу, где стояли, поворачивается к бабёнкам знакомым: дайте, дескать, сто рублей займа на неделю – не рассчитал малость карманные расходы, не хватает чуть-чуть кредит погасить! Бабёнки ну и выручили его сразу же – потому как мужичок на хорошем счету был у них: аккуратный и без закидонов. А нашему мужичку сказал, чтобы завтра зашёл. Ну, мужичок наш зашёл – интересно же, к чему это всё было. А знакомый его вытаскивает эту сотню из кармана, да и к бабёнкам-выручалкам. Дескать, обещал через неделю, а вот, срослось, возьмите со спасибо! Бабёнки из вежливости ему: да и через неделю бы принёс, что уж там! А он в ответ: а вдруг помру? Кто вам тогда возместит? Ох и завозмущались бабёнки: «Да что ж ты такое говоришь? Типун тебе на язык! Живи да радуйся!» ну и дальше так же..

Наш мужик стоит, глазами хлопает, никак не поймёт, что куда. А тот его под ручку, и в ближайший храм. Зашли, перекрестились как положено, ну и ведёт нашего мужичка знакомый его к свечной лавке: «Ой, вышел без кошелька, не запишите ли мне поминальную записку да свечечек в долг? К следующей литургии занесу!» А и у этих бабёнок в лавке он тоже знаком был, записали на сто рублей (тут уж не знаю, сам мужичок подгадал, или случайно получилось так ровно, ну да это и неважно). А нашему мужичку снова говорит: «Приходи завтра!»

А наавтра приходят мужики, и тот, что денег в долг брал, то же самое говорит: «Обещал через неделю, а вот, срослось, возьмите со спасибо!» А бабёнкам некогда, чего-то они там или убирались, или подсвечники протирали: да ну тебя! Обещал к литургии, так и принёс бы к литургии, что уж там!» А он в ответ: «А вдруг помру? Кто вам тогда возместит?»

Мужичок наш заскучал было, потому как показалось ему, что по кругу друг его водит, как лошадь в цирке, только бабёнки вдруг выпрямились, и, ни слова не говоря, взяли долг у знакомого его, перекрестились, да и опять к делам своим.

Вышли на улицу, мужичку нашему друг его и говорит: «Вот и вся разница: одни думают, что им сто лет отмеряно, а другие знают, что да завтра могут не дожить! Ну, это если только большую разницу видеть. А если ещё и мелких разниц хочешь узнать, то это не за раз, а вот заходи на службу, а там и остальное растолкуется!»

Притча седьмая

Попал как-то раз один мужик в больницу. И вроде помирать рано, а недужило всего, и шевелиться плохо получается. Пролежал пару дней, дядя доктор его анализы расшифровал, да лечение назначил, а из больницы пока не выпускает: сами понимаете, и у них план, премии, отчётность там всякая; да и мужик сильно не рвётся: дома то всё-таки лучше, когда вылечишься.

И сначала, когда всё плохо было, не обращал внимание мужичок, а когда через недельку полегчало с порошочков да уколов, заметил: уж больно санитарка строгая им попалась! Ну часу не пройдёт, чтобы кому-нибудь громко мораль не прочитает: то ботинки поставил не туда, то в туалет не так сходил, то из душа выгонит кого – не вовремя залез, дескать; то отлает, что постель не по правилам заправлена; а то засорится раковина, так до главврача всех поднимет кляузами своими, как будто дома у неё за всю жизнь ни разу ни одного засора в раковине не было. А пока женщина с раздачи в отпуск ушла, ей ещё ставку в столовой нагрузили. Уж за что оказали доверие, сказать не могу, потому как и за санитарные дела её медсёстры гоняли: график был жёсткий (больница всё-таки), а она по два да по три часа вокруг швабры всё примеривалась, да по сорок минут воду по ведрам разливала да переливала. Ну, наверное, больше некого было поставить, или остальные сказали, что заняты до нельзя (да что я всё объясняю, и у вас где-нибудь сплошь и рядом такое).

И решил мужик бабёнку эту к порядку привести. То так же громко, как и она, начнёт спрашивать у неё, откуда пыль на тумбочках взялась, то зачем матрасы жёсткие; то с каких это диет порция стала меньше, чем раньше была; то интересуется, почему тем, кто на диете, стол не блюдут, и почему у напарницы хлеба на всех хватало, а сейчас и масло не на каждом куске по утрам? и в каком месте меню вывешено и почему это такая норма странная, блокадная – два куска хлеба на человека? И в палате пол мыли в прошлый раз в четверг, а сегодня вторник вроде уже наступил?

А у бабёнки нашей как лубянка на роже надета: выставится в окно, физиономию закаменит задумчиво, как у памятника Аркаше Северному, и молчит. Дескать вы хоть плюйте мне в глаза, а мне всё божья роса, а плясать вы всё равно под мою дудку будете и меня не перешибёте. Мужик и так и сяк ей, а ей всё равно. И вроде как даже нравится ей, что она такую хулу на себя терпит смиренно, что даже святость у неё вокруг головы ореолом светиться начинает.

А мужик всё больше и больше распаляется, совсем покой потерял, худеть начал, кричит громче самой бабы, уже и хуже её стал – цепляется и к тому что было, и к тому, чего и не было, и так всё-таки переехал из своего отделения в кардиологическое. Ну, там санитарки нормальные были, слава Богу, через недельку в себя пришёл мужик. А там и вовсе вроде подлечили да домой выпустили.

Притча восьмая

Заболел один мужик. Чудно заболел, всё нутро странное какое-то – на всё реагирует, и никак не выправляется. И запретил дядя доктор мужику практически всё: и чарочку (само собой), и курить, и солёное запретил, и копчёное и жареное, и вообще всё, к чему мужик наш привык, под запретом стало. Недужит мужик, и всё ему хуже становится, и сам не понимает: не то от болезни ему плохо, не то от того, что нельзя делать то, к чему организм привык. И вот мучился мужик, мучился, месяц-другой, да и к году срок уже подошёл, да всё-таки не утерпел, сел как-то, наелся всего, и выпил, и закусил, и закурил по старой памяти, да и повторил всё меню. Два раза. И спать лёг.

И снится ему сон: приходит он ко врачу. На исповедь. Понимает вроде мужик, что на исповедь не ко врачу ходят, но это же сон. Ну и вот, пришёл к дяде доктору на исповедь и рассказывает: мол, грешен, батюшка. А доктор благодостный такой сидит, головой кивает, да всё, что мужик ни скажет, в листочек какой-то записывает.

- Жареное не ел ли?
- Грешен, батюшка, ел..
- Копчёное не потреблял ли?
- Грешен, батюшка, потреблял..
- А с водкой как?
- Грешен батюшка и с водкой..
- ... и так по всем статьям.

Ну, когда-никогда, а закончили. Встал дядя доктор, раскрыл шкаф, что сзади него стоит всегда, поковырялся-поковырялся там, да и достал счёты. Обычные счёты, что в магазинах раньше вместо калькуляторов на прилавках лежали. На счётах этикеточка с фамилией мужичка нашего, и косточки откинута не так, как у остальных: на каждом счётах наособицу, на каждом своё; да сами косточки со своих мест не спадают, а висят, как приклеенные, и только у доктора получается с места их сдвинуть. Смотрит доктор в листочек, да косточки на счётах гонять начинает, да всё слева направо. Погоняет-погоняет, посмотрит в листочек, подумает, да ещё гонять начнёт. Где косточку, где две, а где и десятком двигает. Дошёл до последней строчки, сверил с листочком, кивнул, и говорит мужику:

- Прощаются тебе грехи твои, раб Божий, иди с миром.

А мужику интересно, что это так: пока со счётами не управился, не отпустил грехов, он и спрашивает:

- А что это за счёты такие, батюшка доктор?

А доктор в ответ:

– А это твоей жизни счёты. В чём согрешил, признался, то каждое то день, то два в твоей жизни, а то и поболее. Так что от всех твоих грехов жить тебе осталось восемь дней.

Тут и сел мужик:

- Как восемь дней?

– Так! – доктор говорит. – Кабы вот не курил вчера, так десять бы осталось, кабы водку сторонкой обошёл, так ещё бы пару недель добавил бы, жирное тебе месяц отняло, и копчёное три недели. Ну и так, по мелочи.. Восемь дней у тебя, в общем, не пропусти воскресный приём!

– Как же так, батюшка доктор? – мужичок наш на крик пошёл, занервничал. – Я ж ведь исповедовался, всё как на духу тебе рассказал, ничего не утаил, за что мне восемь дней?

А доктор стоит, улыбается:

– Все исповедываются. Только исповедь грехов не исправляет, она только понимание их даёт. А ты не переживай: восемь дней – это много! У некоторых еле-еле как бывает на один день хватает! А кому и до исповеди не получается дожить!

Зашлось сердце у мужичка нашего, да и проснулся он в поту и в испуге.

Понял, что приснилось ему это всё, успокоился. Хорошо, думает, что это – сон только, перевернулся на другой бок, да и заснул.

Вот и остальные так-то: проснутся, подумают, что хорошо, дескать, не наяву всё, да и дальше спать. Ну, некоторые перекрестятся ещё.

Притча девятая

Жил-был мужичок один. И вроде нормально жил, звёзд с неба не хватал, по дну не елозились, тянул ляжку свою от стартового выстрела до клетчатого флага. К наградам не стремился, водку нечасто потреблял. Детей воспитывал, как мог, на работу ходил, счета оплачивал, налоги – всё честь по чести, Богу – Богово, кесарю-кесарево. В храм, конечно, не каждую неделю попадал, но стремился всегда.

Нет, ну гневался бывало, конечно. Есть вокруг такие специалисты, что их стараниями и не каждый святой душу в равновесии уберёжёт, но это уже другая история.

В общем, грехи у мужичка тоже были, никто не ангел. Мужичок знал, что не ангел, каялся, исповедовался, в общем, жил себе по своей совести, в меру старания и возможностей.

Вот только с одним у него беда была: никак он не мог определиться, как, сколько и кому милостыню подавать, и кому и как помочь надо бы, а кому бы и вовсе на глаза не попадаться. И только мужичок задумается, делать ли доброе дело, или уж не соваться, то или уж не ко времени подмога его становится, или кто другой поможет.

Стоит, например, ящик для пожертвований на храм, опять же мужику в голову ерунда всякая лезет: дескать, от моей сотни чего ж изменится? Надо уж положить, так чтобы хоть не двадцать саморезов, а пару тысяч кирпичей можно на место уложить; и, пока думает, за ящик то уж и уйдёт, и так и не положив ни тысяч, ни сотен, ни рубля даже.

Или встанет, решившись помочь кому-нибудь, и подшагнёт уже даже, а так что-то, и денег свободных нет, и в ухо надуло, и ждут в другом месте, бежать уж вроде надо; да и то: пасмурно вроде как сегодня, дождя бы не навеяло, а зонтик забыл, и ботинки промокают, надо бы новые купить, о! и хлеба не забыть.. да так и проходит мимо всего наш мужичок, ни на что и не сподвигнувшись.

Нет, если, конечно, повспоминать да посчитать, то, наверное, обязательно хоть какое-нибудь доброе дело за мужиком было, а то, может быть, даже и не одно, но так, чтобы быстро и сразу, то и не вспомнишь.

И начнёт мужик на досуге вспоминать, что же сделал он за всю жизнь доброго, да так ничего и не придумает. Ну да ладно, думает мужичок наш, левая рука не должна помнить, какое добро сделала правая. Вот и я тоже, мужик наш думает, не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.